

Федор Абрамов

О ХЛЕБЕ НАСУЩНОМ И ХЛЕБЕ ДУХОВНОМ

выступление на VI съезде писателей СССР

За эти дни и на пленарных заседаниях, и на заседаниях комиссий уже о многом и о многом говорили, о многом шла речь. Мне хочется поговорить о русской советской литературе, связанной с землей, деревней, с крестьянством. Поговорить о хлебе насущном и хлебе духовном, о том круге вопросов, которые так волнуют сегодня советских людей, которые, на мой взгляд, не нашли покамест должного освещения в выступлениях депутатов.

Общеизвестно, что так называемая деревенская проза — буду говорить сейчас о всей условности и несостоятельности этого термина — давно уже вышла на передовые рубежи нашей литературы. Я бы сказал больше: она во многом определяет лицо современной литературы. Достаточно назвать хотя бы имена таких писателей, которых в свое время так или иначе напутствовал наш незабвенный Александр Трифонович Твардовский: Валентин Овечкин и Александр Яшин, Гавриил Тропопольский и Владимир Тендряков, Сергей Залыгин и Ефим Дорош, Владимир Солоухин и Виктор Астафьев, Борис Можаев и Василий Шукшин, Валентин Распутин... Разве не вокруг произведений этих писателей многие годы закипали общественные споры и диспуты? Разве не они прежде всего определяли читательский успех таких журналов, как «Новый мир», «Север», «Наш современник»?

Наша критика не обошла вниманием «деревенщиков» — так называют этих писателей. О каждом из них написано немало толковых статей и рецензий. Но странная вещь: как только заходит речь о деревенской прозе в целом, так у иных критиков начинается одышка, пропадает масштабность оценок, разговор низводится до узко понятых деревенских проблем, а кое-кто просто теряется, озабоченно поглядывает по сторонам: да что же это у нас делается-то?

На дворе научно-техническая революция, эпоха спутников, а наши писатели (и при этом числящиеся в известных) безбожно завязли на деревенских проселках. Где же авангардная роль литературы? И вот уже раздаются голоса: деревенская проза переживает кризис, мода на деревенскую прозу, слава богу, проходит...

Настораживает кое-кого и герой деревенской прозы. Кто не знает, что главная фигура сегодняшней колхозной и совхозной деревни — молодой механизатор, человек технически грамотный, чуть ли не с пеленок повенчанный с техникой, а в прозе?

Виктор Астафьев отбивает земные поклоны своей давно умершей бабушке, ею преисполнено его писательское сердце, вокруг умирающей старухи кружит и хлопочет Валентин Распутин. Да и знаменитый Иван Африканович Василия Белова — разве, следуя нашим расхожим представлениям назовешь его передовым?

А вот молодой архангельский писатель Владимир Личутин. Уж кому-кому, а ему-то, казалось бы, по возрасту положено быть певцом сельской молодежи. А нет, и он покамест больше пасется подле стариков и старушонок, клонит все ухо к их негромкому стариковскому слову.

Так что же это? Может быть, наша литература, мягко говоря, шагает не совсем в ногу с временем? Может, она отстает, страдает провинциализмом? Или, выражаясь на языке так называемых интеллектуалов, недостаточно интеллектуальна?

Конечно, в произведениях «деревенщиков», как, впрочем, в произведениях и других писателей, можно найти огрехи. Мелкотемье, самодовлеющий бытовизм, налет псевдонародности и пейзажизма, отсутствие больших обобщающих мыслей, робость перед анализом социально-исторических процессов... Все это в той или иной мере встречается. Да и как иначе? Большая литература — литература разных направлений, разных дарований.

Но вот насчет моды... Нет, извините. Этак ведь, чего доброго, можно договориться до того, что и тема России в литературе имеет характер моды.

Нет, нет, дело обстоит как раз наоборот.

Нынешний расцвет деревенской прозы, выход ее на передний план — это показатель зрелости нашей литературы, зрелости гражданской и духовной, свидетельство понимания ею самых глубинных и самых важных процессов современности, способность подняться до самых высоких общенациональных и общечеловеческих проблем.

Не буду говорить о таких известных вещах, как традиционность крестьянской темы для нашей литературы, о том, что вся русская литература испокон века жила и мучилась крестьянским вопросом и что в деревне и поныне живут миллионы и миллионы; не буду распространяться и о том, что деревня — это проблема хлеба насущного и что подъем сельского хозяйства — задача общегосударственная, общенародная, давно уже ставшая первоочередным делом всей нашей жизни, и это хорошо известно.

Но давайте взглянем на деревенскую прозу с высоты вавилонской башни века, этой самой НТР, этих трех магических, гипнотизирующих букв, которые сегодня и по делу и без дела произносятся на каждом шагу.

В деревне сегодня в результате небывалого вторжения техники и науки происходит поистине небывалая, ни с чем не сравнимая революция. Речь идет не просто о коренной перестройке сельского производства, всего уклада деревенской жизни. Речь идет

об изменении русской географии, об изменении лика русской земли.

Я вот ехал недавно из Новгорода в Питер. Небывальщина! Степь залетела в Ленинградскую область — такое пашенное раздолье по обе стороны шоссе. Это на месте-то недавних кустарников и болот. И подобные изменения в русском пейзаже сегодня можно наблюдать и в других наших областях. И даже на моей далекой-далекой Пинеге.

Но, конечно, это только начало. Предстоит в полном смысле заново сотворить русское поле, построить такие селения, где бы зеленая радость деревенского существования была дополнена всеми благами современного города. А это задача гигантская. Задача, прямо скажем, громадных масштабов, от решения которой зависит наше будущее. Процесс великого созидания и великой ломки.

Короче, старая деревня с ее тысячелетней историей уходит сегодня в небытие.

А что это значит — уходит старая деревня в небытие? А это значит — рушатся вековые устои, исчезает та многовековая почва, на которой всколосилась вся наша национальная культура: ее этика и эстетика, ее фольклор и литература, ее чудо-язык. Ибо, перефразируя известные слова Достоевского, можно сказать: все мы вышли из деревни. Деревня — наши истоки, наши корни. Деревня — материнское лоно, где зарождался и складывался наш национальный характер.

И вот сегодня, когда старая деревня доживает свои последние дни, мы с особым, обостренным вниманием вглядываемся в тот тип человека, который был создан ею, вглядываемся в наших матерей и отцов, дедов и бабок.

Ох, немного выпало на их долю добрых слов!

В чаянии нового прекрасного человека, в жадном порыве к новой обетованной земле социализма мы частенько смотрели на них свысока, как на неполноценную породу людей, как на «полу-полу», как на людей, погрязших в собственничестве и разного рода пережитках. А между тем, на них, на плечах этих безымянных тружеников и воинов, стоит здание всей нашей сегодняшней жизни.

Вспомним, к примеру, только один подвиг русской бабы в минувшей войне. При этом я ни на минуту не забываю женщин других народов нашей великой страны. Но говорю о русской бабе, потому что о русской прозе веду речь. Ведь это она, русская баба, своей сверхчеловеческой работой еще в сорок первом году открыла второй фронт, тот фронт, которого так жаждала Советская Армия. А как, какой мерой, каким мерилом измерить подвиг все той же русской бабы в послевоенную пору, в те времена, когда она, зачастую сама голодная, раздетая и разутая, кормила и одевала страну, с истинным терпением и безропотностью русской крестьянки несла свой тяжкий крест вдовы-солдатки, матери погибших на войне сыновей!

Так что же удивительного, что старая крестьянка в нашей литературе на время потеснила, а порой и заслонила собою других персонажей? Нет, не идеализация это старины, не пресловутая тоска по уходящей избушке Руси, как иной раз с такой бездумной легкостью и даже высокомерием вещают некоторые критики и даже некоторые писатели, а наша сыновняя, хотя и запоздалая благодарность.

Вместе с тем большой разговор в литературе о людях старого и старшего поколений — это стремление осмыслить и удержать их духовный опыт, тот нравственный потенциал, те нравственные силы, которые не дали пропасть России в годы самых тяжелых испытаний.

Да, темные и малограмотные, да, наивные и чересчур доверчивые, да, порой граждански невоспитанные, но какие душевные россыпи, какой душевный свет! Бесконечная самоотверженность, обостренная русская совесть и чувство долга, способность к самоограничению и состраданию, любовь к труду, к земле и ко всему живому — да всего не перечислишь.

К сожалению, современный молодой человек, взращенный в иных, более благоприятных, а порой просто тепличных условиях, не всегда наследует эти жизненно важные качества.

Нет, нет, я не хочу бросить тень на нашу молодежь. За нее говорят ее дела: целина, гиганты-новостройки, БАМ. И все-таки, все-таки... разве не встречаемся мы в ее среде с возросшим эгоцентризмом и индивидуализмом, с иждивенческими и потребительскими настроениями, с утратой бережного и любовного отношения к земле, к природе, с холодным рационализмом?

И одна из главнейших задач современной литературы — предостеречь молодежь от опасности духовного очерствения, помочь ей усвоить и обогатить багаж, накопленный предшествующими поколениями. И это вопрос не узко моралистический, не отвлеченный. Это вопрос вопросов всего нашего бытия. И в него, в этот вопрос, в конечном счете упирается подъем русского Нечерноземья, реализация тех грандиозных планов преобразования русской деревни, которые намечены в известных постановлениях партии и правительства.

В последнее время мы много говорим о сохранении природной среды, памятников материальной культуры. Не пора ли с такой же энергией и напором ставить вопрос о сохранности и защите непреходящих ценностей духовной культуры, накопленных вековым народным опытом?

Тревога по этому поводу прозвучала уже в ряде выступлений на нашем съезде, и это понятно, потому что духовные потери чреватые, быть может, еще большими последствиями, чем разрушение природы, хищническое истребление лесов и обмеление рек.

Да, да, все в конечном счете зависит от того, какой человек будет работать и управлять землей.

Не работяга с куриным оглядом, не перекаати-поле, которые сегодня косяками кочуют по нашим градам и весям, не бюрократ-чиновник, слепо исполняющий приказы и директивы, — не им вершить нынешние дела. Не им претворять в жизнь великие задачи эпохи.

Время властно требует другого человека, человека-хозяина, человека с развитым самосознанием, обостренной гражданской совестью, с широким историческим кругозором, способного не только мыслить по-государственному, по-хозяйски, но и отвечать за все происходящее в стране, то есть поступать по-хозяйски, поступать по-государственному, соответственно своим убеждениям, велениям совести.

Словом, нельзя, заново возделывать русское поле, не возделывая души человеческие, не мобилизуя всех духовных ресурсов народа, нации.

И тут — хочется еще раз подчеркнуть — огромная роль принадлежит литературе, правдивому и вдохновляющему слову. Слову, которое зовет к утверждению истины, добра и справедливости на земле!

© Абрамов Ф.А., правообладатели

Источник: Наша сыновняя благодарность / Федор Абрамов // Ленинградская правда. — 1976. — 26 июня. В других источниках под загл.: О хлебе насущном и хлебе духовном.